

ФЕНОМЕН ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

.....

А. Ш. Гусейнов¹

В статье в рамках междисциплинарного подхода и на основе структурного анализа представлена попытка охарактеризовать основные психологические факторы протестного поведения. Предлагается авторская модель структурных компонентов личности, позволяющая рассматривать протест в разном контексте, учитывая его разнообразные и специфические проявления.

Ключевые слова: протест, формы поведения, социальность, самореализация, масштаб личности, модель структурных компонентов.

In the article within the limits of interdisciplinary approach and on the basis of the structural analysis the attempt to characterize major psychological factors of protest behavior is presented. The article offers the author's model of structural components of personality, allowing to examine protest in different context, taking into account its various and specific displays.

Key words: protest, behavior forms, sociality, self-actualization, potential of personality, model of structural components.

В настоящее время современное общество правомерно называют обществом риска [4]. И это не случайно — в современном глобализированном транснациональном мире наблюдаются нарушения политической стабильности, рост напряженности в социальных, этнических, межконфессиональных отношениях, которые часто становятся предикторами протестной активности и отдельных субъектов, и многочисленных групп [9; 14]. Общество все чаще сталкивается с деструктивным сценарием протеста и его трансформацией в экстремизм, создающим угрозу безопасности, как отдельной личности, так и социуму. Необходимо отметить, что сама политическая и социальная система того или иного общества не в последнюю очередь детерминирована отношением его членов к политическим протестам. Проведем историческую аналогию. В период античности философы, не согласные с политикой, обычно выбирали самоубийство, о чем свидетельствуют суициды стоиков [23, с. 273]. С конца XIX в. ситуация изменяется — протесты и бунты приобретают массо-

¹ Гусейнов Александр Шамильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Краснодарского государственного университета физической культуры, сервиса и туризма. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru

вый характер и сопровождаются террористическими актами с большим числом жертв [29].

Протест как феномен выступает предметом анализа многих социально-гуманитарных наук. Вместе с тем нельзя не отметить, что в психологии исследование протеста носит фрагментарный характер, по данной проблематике практически нет монографических исследований, как нет и строгих определений, отраженных в словарях и энциклопедиях.

Прежде чем говорить о каком-либо явлении, его свойствах, параметрах, способах измерения и влияния на него, целесообразно ограничить терминологическое поле рассматриваемого феномена. В русскоязычной литературе для его обозначения используются обычно два термина — «протест» и «оппозиция». Возможно также использование терминов «негативизм», «отрицание», «бунт» «сопротивление», «неповиновение», «опровержение», «неприятие» и др. Согласно С. И. Ожегову, «протест» — это «решительное возражение против чего-нибудь» [28, с. 555]. В англоязычной литературе термин *protest* применяется и используется для обозначения широкого круга явлений — от сопротивления лечению или нововведениям до мятежного порыва, приводящего к политическому протесту и революционности [30; 32; 34; 35; 36].

Принимая во внимание междисциплинарный характер проблематики, считаем важным и актуальным рассматривать феномен протеста с позиций разных наук.

В философии протест рассматривается в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах как полное отрицание, негативность (лат. *Nego* — отрицаю) или в свете категорий противоречий и борьбы. А. П. Назаретян отмечает, что до XX в. разные культуры, признавая и используя социальное насилие, одновременно стремились его упорядочивать и препятствовать его хаотизации посредством деления людей на своих и чужих, а также путем создания образов героев, служивших подпиткой в этой непрекращающейся борьбе [26, с. 140–146]. Уже в период античности протестные настроения канализировались и находили выражение в творчестве и философии. Например, греческий драматург и философ Эсхил отразил протест в пьесе «Прикованный Прометей», в которой ярко представлен образ титана-богоборца. У Эсхила образ Прометея наделен чертами не только протестности, но и социальности: в более поздней версии мифа Прометей научил людей общественной жизни, изобрел разные науки [22]. Этот и другие бунтарские образы впоследствии неоднократно использовались в литературе и искусстве (И. Гете, Байрон, Ф. Гойя, Л. Бетховен, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, М. Ф. Достоевский, Л. Н. Толстой, М. Горький и др.) как символы «метафизического бунта» и социальной революции.

Античные философы относили бунт к универсальной человеческой природе. Аристотель одним из факторов, провоцирующих людей к мятежу, счи-

тал неравенство, которое рассматривал в контексте несовместимости политического и экономического статусов внутри социального класса. Он полагал, что стремление к превосходству провоцирует мятеж олигархов, поскольку они считают, что, несмотря на наличие неравенства, их доля не больше, чем у других, а равна ей или даже меньше [23]. В философии Томаса Гоббса неприятие связано с недостатками человеческого характера — эгоизмом, завистью, ленью. В работе «К читателю. О теле» Т. Гоббс, рассуждая о причинах гражданской войны, приходит к выводу, что война обусловлена не желанием людей воевать, поскольку воля человека всегда стремится к благу, а непониманием причин войны и мира [25, с. 22].

В экзистенциальной философии (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, А. Камю) протесту придается бытийный смысл, он рассматривается как один из видов экзистенции и как необходимое условие обретения подлинной экзистенции. Ж.П. Сартр революционизирует протест, который приобретает силу критического противостояния миру реактивных смыслов и служит синонимом человеческой свободы. Ж.П. Сартр видел в этой революционности способность говорить «нет» всему существующему, а его революционные лозунги выглядели как манифесты, в которых отрицалось все то, что когда-либо кем-то утверждалось [1; 12].

М. Шелер в работе «Человек озлобленный» называет причину протеста — мстительную злобу отверженного, он заранее упивается муками, которые хотел бы причинить своему объекту, однако озлобленность обращается против ее носителя. Злопамятство, по Шелеру, является главным источником социальных движений, ставящих своей целью достижение равенства, где гуманизм переворачивает традиционные ценности с ног на голову, подчиняет высшее низшему. Протест в этом смысле — бунт рабов в морали и универсализация рабских ценностей. А. Камю, полемизируя с Шелером, выявил в протесте ценностно-смысловые контексты, уровень личностно-смысловых образований. Он отмечает, что бунтарь, защищая целостность своей личности, принципиально ограничивается протестом против унижений и посягательств на себя. Порыв к бунту, согласно его мнению, обусловлен двумя факторами: протестом против посягательства на личностные границы, которое субъективно оценивается как недопустимое, и убежденностью бунтаря в своей правоте. А. Камю тонко подметил, что «вместе с отталкиванием чужеродного в любом бунте сразу происходит полное отождествление человека с определенной стороной его существа. Здесь скрытым образом вступает в игру ценностное суждение, и притом столь основательное, что оно помогает бунтарю выстоять среди опасностей» [15, с. 3].

А. Камю приходит к выводу, что вместе с бунтом возникает самосознание, поскольку бунтовщик готов умереть, только бы не лишиться защищаемого им права, и действует во имя пока еще неопределенной ценности, которая объеди-

няет его со всеми людьми. Философ доказывает, что бунтарский порыв, хотя и может быть вызван эгоистическими причинами, по своей сути не является эгоизмом, поскольку бунтовщиком становится не только сам угнетенный, но и тот, кто потрясен зрелищем угнетения, жертвой которого стал другой. В результате отождествления с угнетенным человек не в состоянии вынести оскорбления, которые сам терпел бы, не протестуя. А. Камю приводит пример самоубийств из протеста, на которые решались русские террористы на каторге, когда секли их товарищей, причем протестные суициды были обусловлены ценностью человека, а не чувством общности интересов. Здесь человеческая солидарность приобретает метафизический характер, поскольку в таком зрелом протесте человек преодолевает свою ограниченность и сближается с другими людьми [15, с. 3].

Н. А. Бердяев, выявляя ценностно-идеологический аспект протеста, обращается к определению революционности, данному Г. Лукачем: «Революционность определяется совсем не радикализмом целей и даже не характером средств, применяемых в борьбе. Революционность есть тотальность, целостность в отношении ко всякому опыту жизни. Революционер тот, кто в каждом совершаемом им акте относит его к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее... Тоталитарность во всем — основной признак революционного отношения к жизни... Русские революционеры и в прошлом всегда были тотальны. Революция была для них религией и философией, а не только борьбой, связанной с социальной и политической стороной жизни. И должен был выработаться русский марксизм, соответствующий этому революционному типу и этому революционному тоталитарному инстинкту» [5, с. 87–88]. Определение революционности как тоталитарности объясняет и аффективную «захваченность» личности протестным порывом, и фанатизм, доходящий до терроризма. Э. Карр отмечает, что «принцип террора входил в революционные традиции» [16, с. 137]. Парадокс тоталитарного протеста заключается в том, что если борьба за независимость, идеи и интересы становится единственно важной целью человека, то он может занижать представление о ценности интересов других людей.

Идея о том, что протест является показателем личностной зрелости и нравственности, находит свое отражение в работах протестанского теолога и философа А. Швейцера. Характеризуя индустриальное общество как бездуховное, лишенное свободы мышления, Швейцер приходит к выводу о ценности протеста и оппозиции для развития и обновления общества. В книге «Культура и этика», задаваясь вопросом, почему среди современников встречается так мало людей с верным нравственным чутьем, он заключает: «...мы беспрестанно приносим свою личную нравственность на алтарь отечества, вместо того, чтобы оставаться в оппозиции к обществу и быть силой, побуждающей его стремиться к совершенству» (цит. по: [32, с. 167]).

В концепции К. Поппера, напротив, протест и бунт не всегда связаны с развитым самосознанием личности. Исходя из теории возрастания богатства одних и нищеты других, он приходит к выводу, что взрывы протеста в этом случае хотя и неизбежны, однако не всегда приводят к революции, поскольку ни классовое единство, ни развитое классовое сознание не гарантированы в среде рабочих [30].

В работах Т. Адорно и других представителей франкфуртской философской школы дается критика революций как факторов, резко меняющих общественные системы, и самих общественных систем — капиталистической и социалистической, поскольку обе системы, используя особые механизмы контроля и управления людьми, по-своему, негативно влияют на личность. По Т. Адорно, протест — это порыв к свободе, которую можно познать только через определенное отрицание, соотнося с конкретной формой несвободы. Согласно его мнению, протест и победы «общего» не приводят ни к какому снятию напряженности, ни к какому преодолению противоречий; отрицание остается столь же непродуктивным, сколь и отрицание отрицания [2].

В философии XXI в. феномен протеста остается в фокусе внимания исследователей. Д. Э. Гаспарян, доказывая связь протеста не только с социальностью, но и негативностью, отмечает, что в самом негативном присутствует и очаговый расизм, и локальный терроризм — одни из самых опасных проявлений деструктивного протеста [11].

Надо признать, что среди теорий, описывающих протестную активность, наиболее разработаны социологические [7; 8; 10; 18; 19; 36]. Уже с середины XIX в. социологи заметили, что протест обусловлен причинами социетального характера, нездоровым состоянием экономики. Э. Дюркгейм одним из первых обратил внимание на феномен аномии, когда в обществе наблюдается разрушение социальных стандартов, управляющих социальным поведением, вплоть до полного нормативного вакуума. Аномия служит основной причиной роста недовольства, протеста, насилия, включая аутодеструктивное поведение [12].

XX век оказался самым мятежным и протестным, в связи с чем, в социально-гуманитарных науках складывается конфликтологическая парадигма, в свете которой делаются попытки объяснить протест (Г. Спенсер, У. Самнер, В. Парето, Г. Моска, Г. Зиммель). Т. Шанин, интерпретируя события массовых восстаний, демонстраций, революций в рамках парадигмы конфликта, заострил внимание на закономерностях и механизмах смены общественных и политических систем. Причины протеста он видел в конфликте между индивидуумами и группами, в недовольстве экономическими условиями жизни, приводящими к изменению как политических, так и экономических отношений [33].

Однако молодежные волнения и акции протеста против расовой дискриминации, идеи контркультуры, захватившие Америку 1960-х гг., привели к пониманию ограниченности конфликта как объяснительного принципа

протестной активности и социального развития в целом. Более того, опыт жестких тоталитарных режимов, отвечавших на протесты насилием, показал, что устранение из диалога класса, политической оппозиции, этнической группы лишь усиливает недовольство и обуславливает массовые акции протеста. Поэтому социологические исследования второй половины XX в. сконцентрировались не только на выявлении факторов социального недовольства, но и на изучении возможности лидеров выражать интересы недовольных групп, выявлении баланса насилия как со стороны государства, так и со стороны недовольных (диссидентов, оппозиции), которые позволили построить теоретические модели потенциала репрессий и политического насилия. В работах И. Валлерстайна, П. Бурдье, М. Вебера политический протест начинает рассматриваться как один из видов протестного поведения [7; 8]. В рамках «культуры политического протеста» отмечается его значимость как фактора, оказывающего воздействие на происходящие изменения в культуре общества и отдельной личности [19].

Весьма информативно рассмотрение феномена протеста в контексте теории относительной депривации, тем более что два базовых концепта теории — фрустрация и депривация, заимствованы социологией из психологии. Еще в 1950-е гг. С. А. Стоуффер и Р. К. Мертон предположили, что люди испытывают чувство депривации, когда считают свое положение неблагоприятным в сравнении с положением других индивидов или групп; при этом имеет значение, какую референтную группу личность или группа выбирает в качестве сравнения. Спустя десять лет Дж. Дэвис в свете этой теории предложил рассматривать условия социального протеста и революций с точки зрения динамики — роста недовольства, вызванного ухудшением условий жизни. Если длительный период повышения материального благополучия резко сменяется ухудшением условий жизни, то это воспринимается большинством людей как несоответствие их ожиданий реальному положению вещей (относительная депривация потребностей). Отметим, что абсолютная депривация, т. е. плохие условия, сами по себе не вызывают протеста. Т. Гарр полагает, что относительная депривация и последующий протест усиливаются в результате сравнения возможностей своей статусной группы с другими группами, которые быстрее перемещаются на более высокие позиции в социальной структуре и имеют больше возможностей. Т. Гарр среди ключевых моментов теории относительной депривации выделяет риски, которые могут взять на себя участники протеста, и способность власти к репрессиям (коерсивному контролю) [10, с. 15].

Создатели теории относительной депривации отмечали, что участники протеста — это не маргиналы, а нормальные социально активные люди; протест — это не стихийные возмущения толпы, а рациональная борьба за восстановление социальной справедливости. Вместе с тем модель относительной депривации не объясняла, как индивидуальная неудовлетворенность перехо-

дит в коллективный протест. Некоторые авторы отмечали, что чувство недовольства не всегда связано с протестом [18].

Ч. Тилли, С. Тэрроу, Н. Смелзер, пытаясь разрешить эти противоречия, предложили теорию мобилизации ресурсов и попытались объяснить механизм протеста в рамках парадигмы коллективного действия, где протест определяется как совместное действие людей, объединенных общими интересами, направленное против власти или ее представителей. Исходя из наличия в обществе возможностей для перераспределения ресурсов (статус, привилегии), исследователи отмечали, что условием протеста сужат не факторы напряженности или недовольства, а социально-экономические и политические возможности. Вследствие репрессий со стороны власти или невозможности легитимного выражения своего мнения мобилизуются групповые ресурсы, выступающие в форме протеста [18].

В политологии феномен протеста анализируется с разных позиций: как реализация убеждений личности, ее политического выбора на индивидуальном уровне (А. Кэмпбелл, Д. Истон, П. Лазарсфельд, Ф. Конверс), как коллективное действие в условиях формирования современного общества и демократической политической системы (А. Турен, Т. Парсонс), в контексте политической стратификации (Ф. Гогель) [9].

В историографии феномен протеста обсуждается в свете проблем социального протеста, контркультуры, деструктивных культов (кришнаизма, неохристианских течений и сект). К социальному протесту исследователи относят негативность — оспаривание, отрицание всей социальной деятельности, самих принципов общественно-политической жизни, действия против системы, выступления лишь против определенных тенденций в политике, а также возмущение существующими порядками и институтами власти в целом [17; 33].

Американский историк Э. Фройденберг, рассуждая о внутренних причинах молодежного протеста, приходит к выводу, что главная причина конфликта лежит в моральной плоскости, так как убеждения молодежи расходятся с убеждениями старших. Ключевая идеология отцов, согласно Э. Фройденбергу, заключается в рационализме их моральной позиции и базируется на политике консенсуса как в государстве, так и в малой группе. Поведение молодежи, напротив, руководствуется своей моральной идеологией, которая зиждется на чувствах и жизненных импульсах (цит. по: [17]).

О.В. Колбасина, исследуя причины молодежного протестного движения в США, отмечает следующие предпосылки бунта: контраст материального благополучия общества изобилия и психологической напряженности первых десятилетий холодной войны (которая сопутствовала процессу взросления молодежи); послевоенный бум рождаемости; тотальную технологизацию, ведущую к обезличиванию человека в рамках системы, массовое распространение телевидения, огромный поток информации. Автор выделяет два течения

протестного движения — политическое и аполитичное, общими для которых служили основные категории идеологии: отчуждение, апатия, «одномерное» общество, репрессивная система (цит. по: [17]).

Как правило, неоднозначно оцениваются и последствия протеста. Например, П. Коллиер и Д. Горовиц в работе «Поколение разрушителей» акцентировали внимание на деструктивных следствиях протеста 1960-х гг., уподобляя эпоху бунта открытому ящику Пандоры, явившему миру трагическую сторону жизни: современную преступность, повальное увлечение наркотиками среди подростков, детскую проституцию, СПИД, сектанство [35].

Наряду с негативными тенденциями отмечаются позитивные изменения в результате молодежного протестного движения: отмена сегрегации, прекращение войны во Вьетнаме, расширение функций и полномочий студенческого самоуправления в вузах страны, развертывание движения женщин, национальных меньшинств, появление новых направлений в искусстве [22].

Необходимо отметить, что практически во всех основных психологических направлениях встречаются упоминания о протесте и делаются попытки раскрыть его сущность. З. Фрейд в работе «Будущее одной иллюзии» указал на глубинные источники протеста: «...человечеству, так же как и отдельному человеку, всегда было трудно переносить жизнь: долю лишений с одной стороны накладывала культура, страдания исходили также от других людей. Кроме того, необузданная природа постоянно причиняла примитивному человеку некоторые ущербы, вследствие чего развивается состояние боязливого ожидания и тяжкое ущемление природного нарциссизма...» [31, с. 491–492]. Развивая эту идею, Фрейд указывает на то, что в ответ на ущемление индивид развивает сопротивление.

В концепции З. Фрейда протест анализируется еще и в контексте непродуктивной формы поведения — сопротивления пациентов лечению. Отказываясь подчиняться, пациенты используют то же оружие, что и в детстве, когда сопротивлялись родителям, пытавшимся их социализировать: негативизм, доминирование, беспомощность, враждебность и отчаяние. З. Фрейд вскрывает механизм, запускающий негативизм, — какое-либо переживание или болезнь, которую эти пациенты расценивали как несправедливое нанесение ущерба их личности. В связи с этим они стали думать, что эта несправедливость дает им право на особые привилегии, и у них выработалось желание ничему не подчиняться [31, с. 157–158].

Курт Левин нашел связь протеста с низким статусом группы. Он обнаружил, что в группе с низким социальным статусом есть люди, стыдящиеся своей принадлежности к этой группе, — те, кто хотел бы уйти из группы, но вынужден оставаться в ней. К. Левин пишет: «Подобная ситуация усугубляется еще одним фактом: человек, чей баланс сил негативен, будет стараться удалиться от центра ... настолько далеко, насколько это будет позволено внешним боль-

шинством. Он остановится у определенного барьера и будет постоянно пребывать в состоянии фрустрации. Причем он будет более фрустрирован, чем те представители меньшинства, которые чувствуют психологический комфорт, находясь внутри этой группы...подобная фрустрация приводит к состоянию тотального высокого напряжения, обуславливающего высокую агрессивность личности...при подобных обстоятельствах агрессия, скорее всего, обернется против той группы, к которой человек принадлежит, либо против него самого» [20, с. 355]. К. Левин полагает, что родителям не стоит бояться так называемой двойной лояльности. Принадлежность к нескольким группам естественна и необходима для любого человека. Реальная же угроза возникает тогда, когда человек находится «нигде», когда он — «маргинальный человек», «вечный подросток» [20, с. 356].

В отечественной психологии феноменология протеста чаще исследуется в психологии девиантного поведения (А. Ю. Егоров, С. А. Игумнов, А. Е. Личко, В. Д. Менделевич, В. В. Ковалев и др.), где обычно отмечается деструктивный характер протестной активности подростков, в результате чего протест может выступать движущей силой асоциального и антисоциального поведения [13; 21; 24; 27].

А. Е. Личко среди значимых реакций на события выделяет паттерны, имеющие связь с протестностью личности: реакции отказа, оппозиции, эмансипации, приводящие к социальной дезадаптации. Эти реакции имеют общие характеристики: склонность к генерализации, приобретению свойства патологического стереотипа и превышению верхнего уровня нарушения поведения, который никогда не превышает группа, к которой принадлежит субъект [27].

А. Ю. Егоров и С. А. Игумнов полагают, что реакция эмансипации с выраженным протестом против установленных правил и порядков свойственна преимущественно подросткам. Авторы высвечивают ее негативные проявления — непереносимость возражений и критики в свой адрес, нетерпимое отношение к опеке, плохую адаптацию к существующим порядкам, законам, традициям [13, с. 60]. Однако они отмечают и ее позитивные аспекты, поскольку в основе эмансипации лежат характерные для подростков потребность в освобождении от контроля и опеки взрослых, стремление к независимости, самостоятельности и самоутверждению себя как личности.

В. Д. Менделевич, подчеркивая связь протестного поведения с эскапизмом, утверждает, что уход от реальности осознанно или неосознанно выбирают люди, которые расценивают реальность негативно и оппозиционно, считая себя неспособными адаптироваться к ней. Характеризуя коммуникативные девиации, автор указывает на крусадерство — идеологический авантюризм (термин С. Мадди). Такие индивиды хватаются за любой повод для того, чтобы протестовать, выйти на улицу с лозунгами, становиться сторонником какого-нибудь социального движения, активно участвовать в деятельности

общественных организаций. Крусадерство основывается на обостренном чувстве бессмысленности существования, которое заполняется погружением человека в деятельность (по Д. Пайку, ложное центрирование) [24, с. 140]. В этом случае речь идет о внешнем инфантильном протесте.

Удовлетворяя потребность в индивидуализации, желая выделиться, добиться уважения и признания своей ценности, подросток часто включается в различные неформальные объединения (эмо, готы, скинхеды). А. Г. Самохвалова обнаружила, что эмо-подростки склонны к пассивно-протестному поведению; специфика их негативизма в том, что в ситуациях коммуникативных затруднений они отстраняются от сверстников, замыкаются в себе, игнорируют любые просьбы и предложения, демонстрируют уход от травмирующей ситуации. Эмо-подростки с заниженной самооценкой отличаются стремлением к оппозиции — активной форме протеста против социальных норм и требований, которые им пытаются навязать, против негативного отношения взрослых и их сверстников к их стилю одежды, ценностям, мировоззренческим позициям, их интересам. Противоречие между непосильной психологической нагрузкой, обусловленной негативными оценками в их адрес, подчеркнутым превосходством, немотивированными претензиями и недостаточностью и несоизмеримостью реальных возможностей подростка порождает внутреннее напряжение, недовольство собой, самоунижение. Все это обуславливает негативизм и бунт по отношению к требованиям взрослых. А. Г. Самохвалова раскрывает динамику негативизма, когда в результате интериоризации негативных внешних оценок, подросток не только проявляет негативизм по отношению к другим, но и постепенно формирует негативное отношение к себе, что обуславливает внутренний конфликт [27, с. 256–257].

Протестное поведение, характерное для подростков, не исчезает и в юношеском возрасте. Социальный протест молодежи — это попытка построить собственную систему ценностей, найти новые цели и принципы, которые придадут смысл и направленность их жизни. Согласие и сотрудничество с другими ощущается как угроза своей идентичности. В этом контексте протест обусловлен логикой реализации собственных жизненных задач, ценностями и внутренними смыслами личности. В концепции Э. Эриксона протест и негативизм анализируются с двух сторон — позитивной, связанной с построением собственной системы ценностей, смыслом жизни, и деструктивной стороной, ограничивающей личность на всех уровнях. По мнению Э. Эриксона, к завершению периода юности человек, как правило, ясно осознает свою личную идентичность. Если этого не происходит, то развивается либо расплывчатость собственного Я, либо даже расщепление его. Неспособность самоидентифицироваться проявляется в социально-психологической дезадаптации: деструктивном протесте, тревожности, неуверенности, растерянности. Формирование негативной идентичности приводит к отказу от самоопределения и выбору

отрицательных образцов для подражания, что обуславливает деструктивные формы протеста [34].

В социальной психологии протест трактуют с разных позиций: как неприятие групповых норм, сопротивление нововведениям. При анализе межгруппового общения Г. М. Андреева отмечает появление у некоторых людей негативного отношения к группе, выраженное и постоянное сопротивление и противопоставление себя группе, которое, она считает частным проявлением зависимости от группы [3].

В последнее время протест все чаще рассматривается в связи с конструктом интолерантности. С. К. Бондырева, обнаружив связь зависти и негативизма, тонко подметила, что стремление многих индивидов к «равенству» и вызываемое ими стремление все поделить поровну связано не только с желанием обладать вещью, но и с желанием устранить интенсивный раздражитель [6, с. 127].

Анализ феномена протеста с разных научных позиций позволяет выделить несколько важнейших параметров, по которым может характеризоваться протестное поведение, а также прийти к собственному определению феномена.

Протест как психологический феномен — это паттерн поведения, направленный против реальной или воображаемой угрозы безопасности, потери благ, нарушения личностных границ, а также ограничения свободы, самореализации и масштаба личности. Протест может быть ситуативной реакцией и устойчивой личностной характеристикой (протестность) и сопровождаться субъективным переживанием несправедливости, унижения, угрозы потери благ, свободы, достоинства и ценностей. Протест может иметь как конструктивные, так и деструктивные проявления. Деструктивный протест, проявляясь в гипертрофированном виде как жесткое отстаивание своих позиций в ущерб интересам других, провоцирует конфликты и насилие, создает угрозу безопасности как для субъекта, так и для социума в целом. Он может протекать в латентном виде (скрытое недовольство) и наряду с внутриличностным конфликтом приводить к выраженной дезадаптации и сопротивлению к освоению социально полезных навыков. Чаще всего деструктивный протест имеет высокую аффективную заряженность, которая препятствует объективной оценке ситуации. Причиной аффекта, провоцирующего деструктивный протест, являются глубинные драйвы, влечения, побуждающие личность к деструктивным протестным действиям, вплоть до насилия. Конструктивный протест имеет ценностную основу и содействует распространению гуманистических ценностей, развитию общества, а также реализации личностного масштаба и потенциала. Необходимо отметить, что к протесту склонны не только фрустрированные низкостатусные личности (маргиналы), протест которых обусловлен неудовлетворенностью основных витальных потребностей, но и люди со средним и даже высоким статусом, которые оценивают невозможность реализации их амбиций и масштаба личности как несправедливость.

Феноменология протестной активности, награждаемой эпитетами «бунт», «взрыв», выходит далеко за рамки традиционных моделей личности. Поэтому для исследования и понимания механизмов протеста обычные нормативные теории личности, например факторные, малоприменимы. Отсутствие в литературе психологических моделей и механизмов протеста потребовало создания модели личностных структур, объясняющей протестное поведение.

Наш подход опирается на фрустрационные структурные модели З. Фрейда, К. Юнга, Т. Гарра, У. Бронфенбреннера и на концепции стремления к самореализации А. Адлера, Л. С. Выготского, А. Маслоу, А. Камю и др. В психологии есть представления о границах и пределах личности, однако следует ввести понятие «масштаб личности». В данном смысле протест — это способ самореализации, проекция личности на социум, экспансия собственного масштаба. Протестующий не замыкается в рамках роли, статуса, позиции, напротив, при ограничении свобод он выходит за пределы личности в надежде обрести свою сущность, трансцендентность. Однако эта экспансия собственного масштаба на социум, обеспечивающая реализацию собственной личности, может находиться в противоречии с общечеловеческими гуманистическими ценностями.

Личность целостна, но структурные компоненты личности могут быть обращены к разным сторонам ее активности. Поскольку протест имеет разные проявления — от примитивных архаичных форм до высоких трансцендентных выражений, то мы предположили, что в структуре личности существуют латентные компоненты, актуализирующие разные формы и уровни протеста. Для объяснения различных уровней протеста предлагаем ввести соответствующие им структурные компоненты личности.

Протест может проявляться на различных личностных уровнях: Прото-Я, Эндо-Я, Я, Экзо-Я и Транс-Я.

Прото-Я — это примитивный, природный, архаический уровень организации личности. Выделяя этот структурный компонент личности, мы опирались на представления З. Фрейда, Г. Лебона, Т. Адорно, С. Московичи о наличии архаичного и примитивного в поведении личности.

Эндо-Я — структурный компонент, отвечающий за удовлетворение простых социальных потребностей. На уровне Эндо-Я протест выступает как форма эгоистичного протеста, направленного на удовлетворение первичных социальных потребностей, получение выгоды.

Собственно Я — структурный компонент, который в норме играет роль регулятора и координатора в сохранении и достижении жизненных благ и личностных свобод. В протесте Я может не всегда успешно справляться с данной ролью регулятора и координатора, поскольку перегружено проблемами внутренних конфликтов и внешних ограничений, включая депривацию.

Экзо-Я — структурный компонент, отвечающий за влияние, масштаб и самореализацию личности. Специфика этого компонента состоит не только в его актуализации при внешних угрозах свободы, но и в использовании других людей для его экспансии и реализации собственного потенциала и масштаба.

Транс-Я — самый высший, надличностный экзистенциальный компонент, проявляющийся в редких случаях, характеризующий в позитивном аспекте защиту, сохранение и приумножение общечеловеческих гуманистических ценностей, в том числе ценностей культуры. В негативном аспекте проявления Транс-Я — идеология фашизма, терроризма.

Итак, в основе предлагаемой модели личностных структур лежит представление о том, что протест возникает при депривации потребностей или дефиците индивидуальных достижений, к которым человек стремится.

Слабо выраженный протест (фрустрационный уровень) возникает как реакция на фрустрацию обычных потребностей: от неудовлетворенности, несогласия до неприятия. На этом уровне протеста задействованы только три компонента личности: Эндо-Я, Я и Экзо-Я.

Более выраженный протест (дефицитарный уровень) возникает как реакция на угрозу потери благ, ценностей, свобод. Неудовлетворенность требует включения латентных структурных компонентов — Прото-Я и Транс-Я. Но недовольство временно и охватывает отдельные структурные компоненты личности, например Прото-Я и Эндо-Я, или Экзо-Я и Транс-Я. Проявления недовольства на уровне Прото-Я (агрессия фанатов, вандалы, граффити) отражают показатели невключенности, негативной идентичности, незрелости личности. Негативизм и недовольство на уровне Экзо-Я (негативная самореализация) проявляются в интеллектуальных уловках и махинациях, хакерстве, экстремизме и т. п.

Самый сильный протест возникает в результате угрозы целостности личности. Депривационный уровень протеста охватывает все структурные компоненты личности: Прото-Я, Эндо-Я, Я, Экзо-Я и Транс-Я. В сильно выраженном протесте ядро личности (Я), Экзо-Я и Эндо-Я оказываются захваченными Прото-Я и Транс-Я настолько, что перестают продуктивно работать на личность. Человек становится фрагментом массы, толпы, группы, секты, политики, идеологии. Он движим одновременно как глубочайшими аффектами, исходящими от Прото-Я (например, религиозный экстаз, агрессия фанатов, толпы), так и сверхценностями, исходящими от Транс-Я, — такими как идеи справедливости, свободы, долга, веры. Его критическое Я максимально удалено и устранено от рационального анализа событий, понимания источников угроз, оценки союзников и противников. Эндо-Я может быть репрессировано настолько, что протестующий может отказывать себе в удовлетворении витальных потребностей (голодовки). В глубоком протесте все подчинено единой идее и действию. Примитивное массовидное Прото-Я и трансцендент-

ное идеологическое Транс-Я могут сливаться в единое целое и обуславливать аффективно-действенное движение за справедливое изменение.

Таким образом, в выраженном виде протест — это не только борьба за существование, но и выход на трансцендентный уровень, попытка реализации ценностных амбиций. Предложенная модель позволяет рассматривать протест в разном контексте, учитывая его разнообразные и специфические проявления.

Библиографический список

1. *Аббаньяно Н.* Введение в экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 1998.
2. *Адорно Т.В.* Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
3. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996.
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
6. *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Толерантность (введение в проблему). М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.
7. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
8. *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
9. *Гаранин О.Ю.* Протестная активность молодежи в условиях политической модернизации современной России: дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2010.
10. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
11. *Гаспарян Д.Э.* Социальность как негативность. М.: КДУ, 2007.
12. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
13. *Егоров А.Ю., Изумнов С.А.* Расстройство поведения у подростков: клинико-психологические аспекты. СПб.: Речь, 2005.
14. *Зинченко Ю.П.* Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6).
15. *Камю А.* Бунтующий человек // А. Камю. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.
16. *Карр Э.* История Советской России. М.: Прогресс, 1990. Кн. 1, т. 1, 2: Большевицкая революция. 1917–1923.
17. *Колбасина О.В.* Молодежное протестное движение в США: вторая половина 1950-х – первая половина 1970-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006.
18. *Костюшев В.* Общественные движения и коллективные действия в условиях запаздывающей модернизации // Образ мыслей и образ жизни. М.: Институт социологии РАН, 1996.
19. *Кутыгина Е.Н.* Культура политического протеста: дис... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005.
20. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
21. *Личко А.Е.* Подростковая психиатрия. Л.: Медицина, 1985.
22. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.

23. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
24. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие. М.: МЕДпресс, 2001.
25. Мир философии: книга для чтения: в 2 ч. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1: Исходные философские проблемы, понятия и принципы.
26. Назаретян А. П. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории» // Общественные науки и современность. 1994. № 6.
27. На пороге взросления. М.: МГППУ, 2011.
28. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981.
29. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002.
30. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы.
31. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: ООО «Попурри», 1996.
32. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
33. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М.: Весь Мир, 1997.
34. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
35. Collier P., Horowitz D. Destructive Generation: second thoughts about the sixties. New York: Summit Books; Paris: Editions Parigramme, 1996.
36. Gurr R. Peoples Against States: Etnopolitical Conflict and the Changing World System // International Studies Quarterly. 1994. Vol. 38, № 3.